

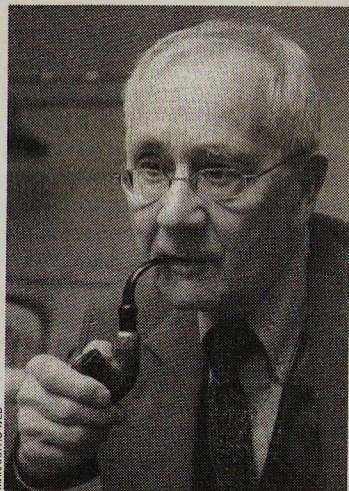
«Письмо должно быть холодным, рациональным, расчетливым»

Коллекционер. - 2008 - 13 мая - с. 21

ВИЗИТ литература

В Москву приехал известный британский писатель АЛАН СИЛЛИТОУ. Чтения, организованные Британским советом, прошли в Библиотеке иностранной литературы. На встречу с писателем и его супругой поэтессой Рут Фэйнлайт пришли люди, почитающие его классиком английской словесности, и молодежь, для которой романы из фабричной жизни 1960-х уже так же далеки, как приключения героев Диккенса. Об образах рабочих в английской литературе вместе с писателем вспоминала ЛИЗА НОВИКОВА.

Певец рабочего класса оказался именно таким, каким представляешь себе маститого английского писателя, — остроумным и элегантным, то и дело с удовольствием рассказывающим забавные истории о своих детских литературных опытах, о службе связистом (он даже привез с собой аппарат и тут же настучал слушателям приветствие на азбуке Морзе). С 14 лет он работал на фабрике, служил в британских ВВС в Малайе. В Англию вернулся с туберкулезом, в больнице начал сочинять. Однако лишь несколько романов спустя по совету поэта Роберта Грейвза сочинил историю, опирающуюся на собственный

МИХАИЛ ПОЧЕВ

опыт. Роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» о рабочем из Ноттингема принес Алану Силлитоу известность. В России его приветствовали как «прогрессивного западного литератора» — за сборник рассказов «Одиночество бегуна на длинную дистанцию» и роман «Ключ от двери». Но самый известный его роман о жизнелюбивом бунтаре Артуре Ситоне так и не перевели. Писатель объясняет это не расположением тогдашнего министра культуры Екатерины Фурцевой, которой не понравился не столько роман, сколько фильм с Альбертом Финни в главной роли.

— Как вам сегодняшняя Москва?

— Это мой пятый визит. Впервые я приехал в советскую Рос-

сию в 60-х. Так что не был здесь уже 30 лет. Перемены поразительны. Москва стала гораздо красивее, чем раньше. Стало больше света, открытости, движения. Прекрасное впечатление. И я так рад, что мой визит совпал с празднованием 60-й годовщины Победы. 9 мая мы гуляли по улицам. Меня это впечатлило. В 1945 году я тоже служил в армии, уже готовился воевать, как вдруг русская армия взяла Берлин и, возможно, таким образом спасла мне жизнь. — Итогом ваших приездов в 1960-е стала книга «Дорога на Волгоград», следует ли после вашего нынешнего визита ждать новых рассказов путешественника?

— Ну тогда мне нужно было бы провести у вас больше времени, по крайней мере месяца три путешествовать по стране. Я бы не отказался, но сейчас нет времени. Мы с женой приехали только на неделю. Хотя, возможно, я напишу статью.

— Но если бы все-таки написали, на чем бы заострили внимание?

— Скорее всего, писал бы о том, как изменилась жизнь людей. Вот мы сейчас много ездили в метро — меня удивило, какое у вас быстрое, удобное, безопасное метро. Гораздо лучше, чем в Лондоне. Так вот, там я увидел совсем другие, чем 30 лет назад, лица. Не знаю, перемены ли это в лучшую,

или в худшую сторону, но в людях видно гораздо больше заинтересованности, тяги к жизни. Вообще я всегда замечал дружелюбность русских. Вот опять же в метро разговорились с человеком. Мы его не понимаем, он нас не понимает — но вдруг стал нас конфетами угощать.

— А с кем-нибудь из наших писателей вас в 1960-е знакомили?

— С Евтушенко, Борисом Полевым, Робертом Рождественским. Меня пригласили на обед в Союзе писателей, о литературе мы тогда и беседовали. Я говорил о свободе самовыражения, и вы знаете, они со мной соглашались. Они уже опубликовали Солженицына и уверяли, что опубликуют «Доктора Живаго», чего, конечно, тогда не произошло. А вообще, это были очень интересные времена — многое начало меняться. Правда, потом последовал откат.

— Ощущали ли вы себя знаменитостью, ведь у советских читателей вы были необычайно популярны?

— Вообще-то меня тогда публиковали в сильно урезанном виде. Хотя и двухмиллионным тиражом, но это было не совсем то. Например, у меня 500 страниц, а тут — 350.

— Наверное, под ножницы попали сленговые диалоги?

— И, наверное, эротические сцены.

— В начале XXI века вы вновь вернулись к героям самого известного вашего романа.

— Я написал сиквел под названием «День рождения» — там действуют те же герои, что и в «В субботу вечером, в воскресенье утром». Артур Ситон и дальше работал на фабрике. С ним развелась его первая жена, он женился опять, но вторая жена умерла. Я наконец оставил его пенсионером-вдовцом.

— В 60-е вы могли живописать своего Артура Ситона почти с натуры. Теперь рабочее все больше из стран третьего мира — наверное, у них есть свои летописцы?

— Нет, я единственный, кто еще пишет о таких людях. Мне кажется, они заслуживают того, чтобы иметь своего представителя в литературе. Конечно, у меня есть персонажи и из других социальных слоев. Но вот мой последний роман опять о том же — о кузнеце, его жене и восьмерых детях и тяжелых временах, в которые они живут. Это люди, не имеющие возможности о себе заявить, но очень в этом нуждающиеся. Хотя ситуация действительно изменилась. Больше в Англии практически не осталось фабрик. Нет теперь и рабочего класса как такового. Вы правы, в основном работа выполняется людьми из третьего мира, они приезжают в поисках работы, но не всегда ее находят.

— Героиня «Коллекционера» Джона Фаулза, прочитав «В субботу вечером...», была восхищена стилем, но посетовала, что вы сочувствуете своему отвратительному герою.

— Даже самый ужасный персонаж все равно остается для автора человеком. Пускай он никому не нравится, но в нем обязательно найдется что-то вечное.

— Вы остаетесь верным партии лейбористов?

— А почему бы и нет? Голосую за лучшую из возможных партий. Хотя и не всегда согласен с тем, что они говорят и что делают. Но не голосовать же за консерваторов.

— Вас причисляли к литературному направлению «рассерженных молодых людей». Всегда хотелось спросить: а что, собственно, так этих молодых людей сердило?

— Не думаю, что меня можно причислить к «рассерженным молодым людям». Я думаю, они были скорее разочарованные, чем рассерженные. Из-за того, что общество не обращало на них внимания, им навязывали устаревшие правила. Но вообще, будучи рассерженным, ничего и не сочинишь. Письмо должно быть холодным, рациональным, расчетливым. Нужно следить за стилем и думать о людях, о которых пишешь.